

Глава 24. Мастер актёрской игры

Фэн Юнсюй ещё не успел проснуться, как его бесцеремонно вырвали из объятий сна: собственная жена вцепилась ему в волосы и принялась неистово царапаться. Её кудри после завивки напоминали мелкие пружинки, и хотя сама она была довольно миловидна, сейчас — с лицом, перемазанным слезами и скрытым под спутанными прядями — она казалась воплощением ярости. Женщина беспорядочно била его по лицу, выкрикивая:

— Ах ты, старый козёл! Мы женаты всего ничего, а ты снова взялся за старое? Горбатого могила исправит!

Нынешняя госпожа Фэн сама когда-то заняла место первой жены, а потому больше всего на свете боялась, что кто-то проделает тот же трюк с ней самой. Едва завидев в Weibo первые крупницы новостей, она тут же примчалась устраивать мужу весёлую жизнь.

Разъярённый болью, Фэн Юнсюй наотмашь вlepил ей пощёчину:

— Ты чего разоралась? Ещё и руки распускаешь! Совсем страх потеряла?

— Я?! — взвизгнула женщина, прижимая ладонь к горячей щеке. — Это ты у нас совсем обнаглел! Твои пашни с любовницей уже во всех горячих запросах! Вы, мужики, только и умеете, что перед свадьбой клясться в вечной любви, а на деле — одни пустые слова!

Услышав это, Фэн Юнсюй похолодел. Он схватил телефон, и то, что он увидел в ленте, заставило его мгновенно помрачнеть.

Пост опубликовало официальное издание еженедельника сплетен с многомиллионной аудиторией. Там были не просто слухи — на снимках его встреча с Ли Цзелань была видна как на ладони, а подпись гласила, что это лишь начало громкого расследования.

Не обращая внимания на рыдающую в углу жену, он тут же набрал номер секретаря и приказал разобраться с шумихой в соцсетях и приструнить Ли Цзелань.

— Тьфу, подонок, — прошипела женщина.

Так и не дождавшись объяснений, она осталась сидеть на краю кровати, содрогаясь от плача. В дверной щели показался маленький мальчик в голубой пижаме, привлечённый шумом.

— Мама... — тихо позвал он.

Женщина поспешно вытерла глаза, поправила причёску и подошла к двери. Подняв ребёнка на руки, она ласково произнесла:

— Дун-дун, ты уже проснулся? Пойдём, мама накормит тебя завтраком.

— Мама, а что вы с папой делали? — послушно спросил мальчик.

Фэн Юнсюй слышал вопрос сына, но ответа жены уже не разобрал.

Сквернословя под нос, он взглянул на часы — едва перевалило за восемь утра. Однако после случившегося сон как рукой сняло. Мрачнее тучи Фэн Юнсюй поднялся с постели и отправился завтракать.

Не успел он доесть, как снаружи взвыли сирены. В дом ворвались полицейские с ордером на арест. Фэн Юнсюй подскочил с места, багровея от гнева:

— Что вы себе позволяете?! Это незаконное проникновение!

Офицер с каменным лицом предъявил бумагу:

— Мы получили заявление. Вы подозреваетесь в причастности к делу о покушении на убийство. Прошу проследовать за нами.

Фэн Юнсюй попытался было сопротивляться, но силы были неравны. Его выволокли из дома под истошный плач маленького сына.

Тем временем в Weibo разразилась новая буря. Еженедельник сплетен сделал резкий разворот: банальная интрижка президента развлекательной компании с любовницей обернулась шокирующим делом о покушении.

Пользователи сети в комментариях едва не выронили гаджеты из рук от неожиданности. Глас народа был единодушен: президента компании нужно наказать по всей строгости закона, и никакие деньги не должны помочь ему избежать правосудия.

Наблюдая за тем, как общественное мнение окончательно развернулось против его врага, Цин Нин с довольной улыбкой отложил телефон.

— О чём это супруга так весело читает? — Чу Вэй обнял его сзади, положив подбородок на плечо и прикидываясь непонимающим.

Его раны почти затянулись, поэтому Цин Нин без колебаний отпихнул его:

— Не мешай, я за сплетнями слежу.

— Но ты же только что отложил телефон, — Чу Вэй обиженно прильнул снова, потираясь макушкой о шею Цин Нина. — Ты меня больше не любишь?

— Люблю-люблю, — небрежно похлопал его по голове Цин Нин, словно успокаивая щенка. — Слушай, раз ты уже в порядке, когда мы навестим Дянь-дяня?

Дянь-дянь — а по паспорту Чу Сюлянь — был тем самым ребёнком дальних родственников, которого они собирались усыновить. Они уже списались с его матерью, и та подтвердила, что готова доверить сына им.

— Может, завтра? — Чу Вэй заглянул в экран телефона Цин Нина. — Из больницы меня могут выписать в любой момент.

Цин Нин отправил сообщение, уточняя время, и, получив согласие, кивнул:

— Ладно, завтра. Нужно всё подготовить.

Они выбрали в интернет-магазинах кучу детской одежды, игрушек и лакомств. Список отправили секретарю, и к утру всё было готово. На следующий день Чу Вэй сам сел за руль, и они отправились в путь.

Мать Дянь-дяня лежала в областной больнице. Благодаря влиянию основной ветви семьи Чу, даже дальние родственники жили безбедно: у неё была отдельная палата, где стояла детская кроватка с деревянными бортиками. Там и играл малыш.

Женщина была крайне слаба. Когда они вошли, она лишь слегка кивнула в знак приветствия:

— Присаживайтесь, где удобно.

Чу Вэй сложил пакеты с вещами в углу и сел рядом с кроватью вместе с Цин Нином.

— Здравствуйте. Я Чу Вэй.

— Я знаю, — слабо улыбнулась женщина. — Цин Нин показывал мне ваши фото.

Тяжело дыша, она попыталась опереться на бортик кровати, чтобы приподняться. Цин Нин поспешил ей на помощь, а Чу Вэй отрегулировал высоту изголовья, чтобы ей было легче сидеть.

Малыш в кроватке, увидев, что мама поднялась, звонко залепетал:

— Мама, спа-ать!

Двухлетний ребёнок почти ничего не помнит долго, но врачи каждый день твердили, что маме нужен покой, и кроха усвоил: чтобы мама выздоровела, ей нужно много спать.

— Это Дянь-дянь, он очень послушный, — женщина погладила сына по голове, и тот весело заголосил.

Чу Вэй понятия не имел, как общаться с такими крохами, поэтому Цин Нину пришлось взять инициативу на себя. Он осторожно ткнул пальцем в пухлую щечку малыша:

— Привет, Дянь-дянь!

Мальчик уставился на него огромными слезящимися глазами, а потом, довольно хмыкнув, схватил палец Цин Нина и потащил его в рот.

— Ой, нельзя! Грязный! — вскрикнул Цин Нин, рассмешив и Чу Вэй, и больную женщину.

Дянь-дянь, похоже, ничего не понял: палец изо рта он вынул, но отпустить не спешил, явно намереваясь «доесть» его позже.

— Дети во всём ищут интерес, а всё интересное тянут в рот, — женщина ласково смотрела на сына. — Теперь я вверяю его вам.

В её взгляде промелькнула глубокая печаль. Родственников у неё почти не осталось, и за всё время болезни никто не пришёл помочь. Те немногие, кто предлагал усыновить ребёнка, метили лишь на её скромные сбережения. Чу Вэй был единственным, кому она могла доверять.

— Не волнуйтесь, мы позаботимся о нём. Он обязательно будет знать, кто его мама, — Цин Нин подхватил малыша на руки и восторженно выдохнул: — Вау, Чу Вэй, смотри, какой он мягкий!

Чу Вэй, который и сам втайне мечтал о ребёнке, с нежностью принял Дянь-дяня из рук Цин Нина.

— Ну как? Какие ощущения? — Цин Нин и мать ребёнка с ожиданием уставились на него.

Чу Вэй немного подумал и ответил:

— Очень мягкий. И пахнет молоком.

Цин Нин удивлённо охнул, а женщина рассмеялась:

— Он ведь только недавно от груди отвык, так что это нормально.

— А что он сейчас ест? — с любопытством спросил Цин Нин.

— Кашки, детскую лапшу, иногда смесь, — мать Дянь-дяня наблюдала за тем, как они играют с ребёнком, и на душе у неё становилось спокойнее. Она чувствовала, что её время на исходе. Муж ушёл почти два года назад, и маленький сын был её единственной привязанностью.

— Я отправлю маме фото, держи его покрепче, — Цин Нин навёл камеру на Чу Вэя с ребёнком.

Тот одной рукой придерживал малыша под коленки, а другой фиксировал за поясницу:

— Снимай.

В ту самую секунду, когда Цин Нин нажал на кнопку, Дянь-дянь со всего маху залепил ладошкой Чу Вэю по лицу. Цин Нин прыснул от смеха и тут же отправил этот кадр Чжо Сянь.

Они пробыли в больнице до вечера. Напоследок они наняли няню, чтобы та присматривала за ребёнком. Мать Дянь-дяня была слишком слаба, и её сил едва хватало на себя. Хотя у неё и оставались деньги, оплачивать и лечение, и сиделку было бы накладно.

Когда они предложили помощь, она не стала отказываться, лишь попросила няню только для сына. Она знала, что конец близок, и хотела провести последние дни наедине с Дянь-дянем, попросив врачей известить их, когда станет совсем худо.

Сев в машину, Цин Нин тяжело вздохнул. Чу Вэй, понимая его чувства, не стал перебивать, давая высказаться.

— Чу Вэй, — произнёс Цин Нин. — Видишь? Нужно ценить тех, кто рядом. Особенно меня.

Он ведь не знал, в какой момент ему придётся расстаться с Чу Вэем.

— Супруга, — мягко отозвался Чу Вэй. — Не говори глупостей. Ты не заболеешь.

Цин Нин поджал губы. Он не мог объяснить, что их разлука предрешена правилами этого мира, поэтому просто отшутился:

— Я просто хочу, чтобы ты меня побольше ценил.

Чу Вэй нежно поцеловал его в лоб:

— Я буду ценить тебя всегда. В этой жизни, в следующей и после неё. Всегда.

У Цин Нина нервно дернулось правое веко. Он поспешно прижал его ладонью и виновато улыбнулся, подумав: «Только бы он не принял следующую личность за следующую жизнь! Я не планирую заводить новые романы, как я потом в реальности посмотрю в глаза настоящему Чу Вэю, который меня даже не знает?»

— Супруга, что с глазом? — Чу Вэй перехватил его запястье и убрал руку от лица. Глаз продолжал бешено дергаться.

— Пфф... — не сдержался Чу Вэй.

Цин Нин замер. Этот негодяй только что над ним посмеялся! Он всё слышал!

Цин Нин одарил его испепеляющим взглядом, и Чу Вэй тут же пошёл на попятную:

— Прости, любимый, я виноват.

— Хм! — пафосно фыркнул Цин Нин.

Благодаря неопровержимым уликам, Фэн Юнсюй и Ли Цзелань быстро получили свои сроки. Покушение на убийство приравняли к умышленному убийству. Фэн Юнсюя как организатора приговорили к смертной казни. Ли Цзелань, надеясь на смягчение приговора, выдала сообщника — того самого водителя. Мужчина получил пожизненное, а Ли Цзелань — одиннадцать лет и пять месяцев.

Юньсюй Юйлэ мгновенно пошла на дно. В проекте, за который они так долго боролись с корпорацией Чу, они больше не были конкурентами, и Чу Вэй легко заполучил контракт.

Из-за аварии Чу Вэй всё ещё числился в отпуске, оставив дела на отца, Чу Цзяна. Его здоровье восстановилось, шрамы затянулись, и к нему вернулась привычка каждое утро будить Цин Нина нежными прикосновениями.

— Чу Вэй, — вяло пробормотал Цин Нин, пытаясь отпихнуть его голову. — Утро же, не хулигань.

— Я и не хулиганю, — Чу Вэй поднял голову с сияющим лицом. Цин Нин, чувствуя, что дело пахнет чем-то неприличным, тут же закрыл его лицо ладонью. — Аж глаза слепит!

— Супруга... — он жалобно перехватил его руку. — Подумай, сколько я тебя не касался!

Цин Нин прикинул в уме: и впрямь, почти месяц прошёл. Но...

— Терпи, Чу Вэй, — Цин Нин легонько щелкнул его по носу. — Подумай сам: мы ведь скоро поженимся. Если ты сейчас потерпишь подольше, представь, какой фейерверк ощущений ждёт нас в первую брачную ночь!

Чу Вэй замер. «Кажется, меня водят за нос, но звучит чертовски логично...»

— Скажи же, я прав? — настаивал Цин Нин.

—... Прав, — нехотя согласился Чу Вэй.

Почувствовав, что окончательно приручил этого зверя, Цин Нин, напевая под нос, поднялся с постели. Они так и не переехали к родителям, потому что Чу Вэй был категорически против.

После завтрака они поехали в больницу. Мать Дянь-дяня была настолько слаба, что даже слова давались ей с огромным трудом. Ребёнка перевели в соседнюю палату, чтобы она могла видеть его в любой момент.

Дянь-дянь уже привык к ним и, завидев их, радостно кричал:

— Папа!

Этому его научила сама мать — со смесью радости и невыносимой боли в сердце.

— Да, мой хороший, — с готовностью откликнулся Цин Нин, а Чу Вэй лишь смущённо потирал нос, стесняясь отвечать.

— Вы так рано сегодня, — женщина улыбнулась. Её руки под одеялом были сухими и тонкими, лицо — восковым, но во взгляде светилась бесконечная нежность. Она приняла свою участь.

— Как ты сегодня? — Цин Нин присел на край кровати.

— Считанные дни остались, — ответила она. — Если время придёт внезапно, прошу, позаботьтесь о нём.

— О чём ты говоришь, — Цин Нин поджал губы, не зная, что ещё сказать.

Чу Вэй положил руку ему на плечо и твёрдо произнёс, глядя на женщину:

— Не волнуйся. Всё будет хорошо.

Она кивнула и устало закрыла глаза.

Няня увела Дянь-дяня, и вскоре Чу Вэй с Цин Нином тоже попрощались. Атмосфера в палате была тяжёлой; самым спокойным человеком там казалась сама умирающая.

Спустя несколько часов после их возвращения домой, когда солнце уже клонилось к закату, раздался звонок из больницы. Мать Дянь-дяня скончалась.

Они тут же сорвались в больницу. Палата была пуста. Няня с плачущим ребёнком ждала их в коридоре. Малыш ещё не понимал, что произошло, но чувствовал горечь утраты и рыдал навзрыд.

Цин Нин с болью в сердце прижал кроху к себе, пытаясь успокоить, пока Чу Вэй улаживал формальности. К тому времени, как всё закончилось, наступила глубокая ночь. Дянь-дянь уснул на руках у Цин Нина.

Похороны прошли на следующий день. Людей было немного. Дянь-дянь в маленьком чёрном костюмчике сидел на земле, глядя на проходящих мимо людей огромными глазами, а потом попытался дотянуться до портрета матери.

— Дянь-дянь, нельзя, — Цин Нин мягко остановил его. Но ребёнок снова и снова тянул ручки, а когда его опять придержали, он разрыдался. Этот плач заставил всех присутствующих искренне прослезиться.

Мать Дянь-дяня похоронили рядом с мужем, и мальчик официально переехал в дом Чу Вэя и Цин Нина.

Первые дни малыш не мог привыкнуть, по ночам плакал и звал маму. Но через неделю он освоился и перестал капризничать, когда о ней заходила речь. Он был слишком мал, чтобы осознать вечность этой разлуки.

Когда обстановка стабилизировалась, Чу Цзян и Чжо Сянь приехали навестить внука, завалив дом игрушками. Хотя раньше старик Чу и требовал от сына кровного наследника, теперь он души не чаял в Дянь-дяне.

Упрямый старик оставался верен себе: если хотел что-то сказать, сначала просил жену передать его слова.

— Кстати, Чу Вэй, Нин-нин, в компании всё наладилось, Дянь-дянь дома... Когда вы планируете свадьбу? — Чжо Сянь, игравшая с ребёнком, подняла голову и крикнула им из другого конца комнаты.

— Завтра едем подавать заявление, — ответил Чу Вэй. — А дату торжества выберите сами, на ваш вкус.

Цин Нин промолчал, погружённый в свои мысли. В реальности отношение к однополым бракам стало лучше, но законы ещё не приняли. Почему же в этом мире сознания всё так просто? И почему их свадьбе противились не из-за того, что он мужчина, а из-за того, что он не может рожать? Суть та же, но как же это бесит!

— Нин-нин, а ты что думаешь? — спросила Чжо Сянь.

— Я не против, полагаюсь на вас и Чу Вэя, — мягко улыбнулся он. Для него эта свадьба была лишь сном, он старался не привязываться к этому счастью слишком сильно, чтобы потом было легче уйти.

Трит, который после аварии Чу Вэя помалкивал, вдруг подал голос. Искусственный интеллект звучал как зритель, досмотревший слезливую драму до счастливого финала:

— Боже, как это прекрасно... Вы... вы через столько прошли!

Цин Нин: «Для ИИ у тебя слишком много эмоций, серьёзно».

Трит тихо буркнул:

—... А кто сказал, что я всего лишь ИИ?

Цин Нин не удостоил его ответом и пошёл помогать Чжо Сянь с ребёнком, пока Чу Вэй с отцом хлопотали на кухне.

Цин Нин обладал острым слухом и улавливал обрывки их разговора. Чу Цзян сначала рассуждал о мировой экономике, потом о конкуренции в отрасли и, наконец, запинаясь, выдал:

— Раньше... отец был неправ. Ты... не держи зла.

В голосе Чу Вэя не было ни капли обиды, он лишь тихо ответил:

— Я знаю. Не нужно об этом.

После этого они замолчали, и вскоре Чу Цзян начал выносить блюда к столу. Цин Нин поспешил на помощь. Дянь-дяню ещё нельзя было взрослую еду, и он весело стучал деревянной ложкой по своей пустой тарелке, что-то лепеча на своём языке.

Впервые вся семья собралась за одним столом в такой тёплой и радостной атмосфере.

Чу Вэй слов на ветер не бросал: на следующее утро он вытащил Цин Нина из постели и, несмотря на ледяной утренний ветер, притащил к дверям загса...

...который ещё даже не открылся.

Они сидели на скамейке у дороги. Цин Нин грел руки, думая о том, что сейчас самое время стукнуть этого нетерпеливого мужчину, но на душе у него было удивительно светло.

Спустя полчаса двери распахнулись. Чу Вэй за руку ввёл Цин Нина внутрь — они стали первой парой в этот день. Фотограф, зевая, командовал:

— Шею чуть вперёд, подбородок выше, улыбаемся... Вот так, отлично.

Цин Нин был уверен, что на фото он получится красавчиком, уж точно лучше Чу Вэя. Но когда они получили свидетельства, оказалось, что оба на снимке выглядят одинаково — светятся от счастья, как два дурачка.

Что ж, когда ты счастлив, разве до красоты?

Чу Вэй бережно убрал красные книжки в специальную коробочку и с сияющей улыбкой произнёс:

— Супруга, теперь у меня есть доказательство, что ты принадлежишь мне.

Цин Нин лишь улыбнулся в ответ. И только вечером, когда этот парень начал активно намекать на первую брачную ночь, Цин Нин внезапно осознал: «Почему этот мир всё ещё существует?!»

Ребёнок есть, отец смирился, даже брак зарегистрирован! Что ещё этому негодяю Чу Вэю нужно для полного счастья?!

Неужели обязательна сама церемония? Ладно, он смирился.

После очередной бурной ночи Цин Нин проснулся почти в десять утра. Медленно приведя себя в порядок, он спустился вниз и застал Чжо Сянь, обсуждающую с Чу Вэем детали свадьбы.

Дянь-дянь в это время увлечённо тыкал деревянным мечом в диван.

Цин Нин смущённо присел рядом с Чу Вэем.

— Нин-нин, проснулся? Посмотри на этот костюм, тебе нравится? — Чжо Сянь тактично разрядила неловкость, протягивая ему эскиз.

На рисунке был изображён приталенный костюм — жилетка в сочетании с изысканным галстуком-бабочкой, в стиле британской аристократии.

— Очень красиво, мне нравится. Спасибо, тётя, — Цин Нин радостно прищурился.

— Какая ещё тётя? Называй меня мамой, — ласково поправила его Чжо Сянь.

От этих слов Цин Нин густо покраснел. В его настоящей семье были только отец и брат; мама умерла при его рождении. Он почти никогда не произносил этого слова. Отец всегда твердил, как сильно мама его любила и как он счастлив, что сын выжил, но привычки называть кого-то так у Цин Нина не было.

Это было сложнее, чем назвать Чу Вэя мужем.

— М... м... ма... ма.

После пары попыток он всё же выдал это слово. Чжо Сянь просияла и тут же достала из сумочки пластиковую карту:

— А вот и подарок от мамы.

Цин Нин уставился на чёрную карту в своей руке, невольно усмехнувшись. Эта Чжо Сянь была точной копией Чу Цзяна из реальности — чуть что, сразу деньги. Жизнь в богатой семье прекрасна: вместо конвертов дарят безлимитные карты!

Время пролетело незаметно. Когда Цин Нин надел свадебный костюм, его лицо уже сводило от волнения. Он шёл под венец, а мир сознания всё ещё стоял как ни в чём не бывало. Что же ещё не так?!

Заиграл свадебный марш. Чу Вэй взял Цин Нина за руку у входа в зал. Множество гостей обернулись к ним с улыбками. Ведущий провозгласил: «Приветствуем новобрачных!», и они рука об руку направились к алтарю.

С каждым шагом Цин Нину становилось всё спокойнее. Свадьба так свадьба, кого этим

напугаешь? По крайней мере, больше никто не будет приставать с вопросами, почему он не беременный!

Трит в его голове почти рыдал от умиления:

— Хозяин, поздравляю вас!

Цин Нин с улыбкой поднялся на сцену вместе с Чу Вэем. Ведущий отпустил пару шуток и начал рассказывать историю детства Чу Вэя, а потом хитро подмигнул:

— Сегодня президент Чу наконец обретает семейное счастье. Интересно, что чувствует его отец? Просим господина Чу Цзяна подняться на сцену.

Чу Цзян отдал свою трость жене и медленно, шаг за шагом, взошёл на подиум. В этом мире он тоже слегка прихрамывал на одну ногу.

Старик был явно растроган. Он долго сжимал их переплетённые руки. Посмотрев на сына, он произнёс дрожащим голосом:

— Папа благословляет тебя...

В глазах Цин Нина внезапно потемнело. Когда свет вернулся, он увидел лишь бескрайнюю белизну. Его левая рука всё ещё была сжата в жесте, которым он держал Чу Вэя, а правая замерла в воздухе, словно поддерживая Чу Цзяна.

Первый мир сознания исчез. Он остался один в пустоте в нелепой позе.

Цин Нин дёрнул бровью и медленно опустил руки:

— Трит, выходи, я тебя бить буду!

Исчезнуть прямо посреди свадьбы, даже без предупреждения... Это просто издевательство!

— Хозяин, что случилось? — осторожно отозвался Трит.

— Почему ты не предупредил?! — Цин Нин сел прямо на «пол», крайне недовольный.

— Я и сам не знал! — поспешил оправдаться ИИ.

Цин Нин немного подумал и всё понял.

Точкой искажения этой личности Чу Вэя было желание получить отцовское благословение. Почему отец не благословлял его? Потому что сын любил мужчину, а мужчина не мог дать наследника. Как получить благословение? Найти способ сделать этот союз приемлемым в глазах отца.

Едва Чу Цзян произнёс заветные слова, мир выполнил свою задачу и растворился.

Несмотря на это осознание, на душе у Цин Нина было пусто. На указательном пальце он всё ещё чувствовал фантомное давление обручального кольца.

— Хозяин, когда отправляемся в следующий мир? — робко спросил Трит.

Цин Нин растянулся на белом полу:

— Отвяжись. Мне нужно прийти в себя.

<http://bllate.org/book/17520/1659187>